

ОБРАЗ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Стаття присвячена образу матері у творчості Миколи Олексійовича Ключова. Аналізується вплив і втілення материнського образу у символічні образи Матері-Землі, Матері-Природи, Батьківщини і Богородиці (цикл віршів «Избяные песни», ліро-епічна поема «Песнь о Великой Матери».

Ключові слова: образ, символ, мотив, пісня, ліро-епічна поема.

Данная статья посвящена образу матери в творчестве Николая Алексеевича Ключова. Анализируется влияние и воплощение материнского образа в символические образы Матери-Земли, Матери-Природы, Родины и Богородицы (цикл стихотворений «Избяные песни», лиро-эпическая поэма «Песнь о Великой Матери»).

Ключевые слова: образ, символ, мотив, песня, лиро-эпическая поэма.

The article is devoted to the image of the mother in the creativity of Nikolay Kljuev. The influence and realization of mother's image into symbolical images of the Mother-Earth, the Mother-Nature, the Motherland and the Virgin (cycle "Izbyanue pesni", "Pesn o Velikoj Materi").

Key words: image, symbol, song, lyric-epic poem.

Николай Ключев является одним из представителей “Серебряного века”. Между тем, будучи признанным мастером слова в поэтической элите своего времени, он до конца жизни оставался “мужицким”, крестьянским поэтом во многом благодаря своему происхождению из северорусских олонецких земель, где традиционно деревенские люди хранили древний исконный уклад жизни. Ключевская семья – целая школа народной мудрости и фольклорной культуры. Дед, отец и особенно мать, Прасковья Дмитриевна, сыграли большую роль в формировании нравственных убеждений будущего поэта. Мать поэта, душу которой после смерти Ключев поэтически поселяет в “маковке ветхой церквушки” [5: 144], была народной сказительницей, плачущей-вопленицей (особый разряд женщин, которых приглашали для оплакивания покойника; они знали, как плакать и какие слова при этом произносить). О матери Н. Ключев всегда вспоминал с большой теплотой, как о своей наставнице: “Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости обучен своей покойной матерью, память которой чту слезно, даже до смерти” [6: 178].

Цель статьи – исследовать образ матери в поэзии Н. Ключова. Данная выделить из творческого наследия поэта произведения, в которых встречается образ матери; проанализировать эти произведения и формы создания художественного образа в них.

Творчество Н. Ключова стало предметом научного изучения сравнительно недавно. Из значительных работ, посвященных ключевской поэзии, стоит отметить книги К. Азадовского “Николай Ключев: Путь поэта” (1990), Н. Солнцевой “Китежский павлин” (1992), Е. И. Марковой “Творчество Николая Ключова в контексте севернорусского словесного

искусства” (1997), а также ряд статей известных исследователей клюевского творчества – В. Г. Базанова, А. П. Казаркина, В. Г. Баракова. Вместе с тем проблемы художественного образа в творчестве Н. Клюева остаются до конца не проясненными. Это обусловило актуальность данной статьи.

С образом матери в сознании Н. Клюева была связана “волхвующая сказка”, “сказка без конца”. Он остался благодарен ей на всю жизнь “за песни в бору, за думы в рассветки, за сказ ввечеру”. О ней, родной усопшей, “Избьяные песни” поэта:

Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:
“Мы матери душу несём за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселём словно кипень белы...” [5:139]

“Умерла мама” – два шелестных слова.
Умер подойник с чумазым горшком,
Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом...” [5:144]

Прасковья Дмитриевна была не только великолепной сказительницей и плакальщицей, но и убежденной староверкой, хранительницей древних мудрых книг, широко образованной женщиной, знавшей несколько языков. “Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят ни одного распевца моей светлой матери”, – писал Н. Клюев [6:178].

В поэзии Н. Клюева гармонично сочетаются три ипостаси образа матери: образ автобиографический; образ собирательный, родственник фольклорному сознанию и стилистике; образ абстрактно-отвлеченный, воплощающий магистральные идеи поэта. Выделенные три типа матери способны к взаимозамещениям и совмещениям [2:70].

Мать как собирательный фольклоризированный образ в поэзии Н. Клюева постоянно занята работой: она прядет пряжу в избе, в ее руках “жужжит веретено”. В переносном смысле – она вечно воспроизводит плоть человеческого рода. А тем временем “звездные руки” ткут “золотые хитоны” для страждущего люда, то есть работа Матери проецируется и на мир космический. В мифологическом сознании самый процесс прядения связан с мистическим процессом воздействия на личные судьбы. Веретено играет важную роль в символике сказок, связанную с судьбой и смертью; в христианской традиции Мария нередко изображается с веретеном в руке, что является ссылкой на прародительницу Еву, которая также изображалась за прядением. Вослед деве Марии и Еве клюевская мать “жужжит веретеном в луче осеннего заката” [3:173]; “...мать сидит за пряжей” [2:109]. Через образ пряжи совершается и переход от олицетворенного типа к одушевлению отвлеченного понятия: “То вещая пряжа – Россия, Прядет бубенцы и метели” [3:513].

Многократно используется в произведениях Н. Клюева народнопоэтическая формула “мать – сыра земля”, с ней связана фольклорная “мать-дубрава”: “Не шуми ты, мать-дубрава, Думу думать не мешай!” [3:196]. В “Песне про судьбу” “мать – сыра земля”

воспринимается парнем-пахарем как прорицательница. Находясь на перекрестке трех лесных дорог, он обращается к “матери-земле” с просьбой помочь избрать нужную дорогу, то есть определить жизненный путь: “Мне какой, заочно суженый, Изю трех повывабрат жеребий?” [5:148]. Поэт заостряет внимание на сопричастности “матери-земли” судьбе человека. Вызревает и оригинальная клюевская формула: “...Матерь-земля, бытия колыбель” [3:293]. В сознании православного крестьянина образ “матери-земли” сближается с образом Богородицы.

Россия (“Расея-магка”) – это лесное раздолье под низким северным небом. На привязанность сынов родина-мать отвечает “бора шумом, мерцаньем звезд да свистом вьюг” [3, с. 138]. Но северный край Николая Клюева – это так же и “русской скорби колыбель” [3:140]. Река несет скорбь народную: в “речной зыби” таится “народное горе”. Потому и речная пена именуется у него “материнской кручиной” [3:90]. Так образная пара “родина-мать” прорастает у Н. Клюева в землю, в воды и соединяет быт человека земли с народной религией.

Ощущая божественную природу, незримую для окружающих, Н. Клюев воспринимал Прасковью Дмитриевну, горячо любимую мать – “былинщицу, песенницу” [3:862], воспитательницу – в роли Богородицы. Прямое свидетельство замеченных богословских аллюзий содержится в первоначальной редакции стихотворения “Я был прекрасен и крылат...”:

Я до рожденья был крылат
В надмирном ангелов жилище.
.....
Но смертной матерью рожден
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон
В лесной блуждающей пустыне [3:847].

Кончина 62-летней Прасковьи Дмитриевны случилась 19 ноября 1913 года. По отзыву сына, она умерла “от тоски” и от того, что “Красного дня не видела” [3:862]. На могиле матери в селе Макачево Олонецкой губернии на надгробном кресте высечены строки Николая Клюева в стиле народного плача: “И без тебя, родитель-матушка, Нам польнонь сахар кажется...” [3:862]. В 1916 году поэт оформил цикл стихотворений “Избьяные песни”, посвященный памяти матери.

Цикл состоит из пятнадцати стихотворений. Каждое из них обладает лирическим сюжетом или же запечатлевает событие, затронувшее воображение поэта в связи с переживаемой смертью самого дорогого ему человека.

Годовщина смерти матери отмечена стихотворением “Хорошо ввечеру при лампадке...” [5:142]. В нем звучат мотивы сиротства и пустоты (“Завтра год, как родная в гробу!”) [5:143]. В стихотворении “От сутенок до звезд и от звезд до зари...” нарастает мотив сиротства лирического персонажа: “Спят в земле дед и мать, я в потемках один...” [5:144].

В интерпретации литературоведа Василия Базанова подчеркнута, что клюевская Женщина – “баба-хозяйка, кормилица, олицетворение власти земли” [1:25].

Последнее монументальное произведение Николая Клюева, оставшееся незавершенным, – лиро-эпическая поэма “Песнь о Великой Матери”(1929-1934). Поэта арестовали в 1934 году и отправили в Восточную Сибирь. В письме из сибирского города Томска на имя В. Н. Горбачевой Н. Клюев сетовал о невозможности продолжать работу над вынашиваемой вещью: “Пронзает мое сердце судьба моей поэмы “Песнь о Великой Матери”. Создавал я ее шесть лет. Сбирал по зернышку русские тайны... Нестерпимо жалко” [6:178].

“Песнь о Великой Матери” является вражением глубин национального сознания: обобщение разрастается концентрически, и образ матери становится образом родной земли, Руси. Живое и личное воплощение в русском фольклоре получил культ Богородицы, слившийся с культом Матери-земли. Культ земли – это религия рода, материнства, космических циклов. Поэма имеет триадную композицию. Первая часть отображает жизнь северной Руси в нравственной и хозяйственной устойчивости до начала распада. Эта часть насколько автобиографична, настолько и фантастична. В ней воедино сплетены и реальные бытовые подробности жизни семьи Клюева у Белого моря, и сказочные картины, и удивительные вещи сны. В этой части описывается молодость матери Прасковьи, Параша, “светлой девушки с Поморья”. Она была «обручена» и с книжностью, и с мистикой, и с природой. Лучшие интимно-лирические страницы “Песни...” (авторские отступления, колыбельные песни-сны) посвящены матери, да и само название поэмы включает в себя триединый облик Руси, Богородицы и Матери человеческой.

Во второй части мать посылает Николеньку на Соловки, к отцам Савватию и Зосиме на учение. Третья глава “Песни...” (“Гнездо третье”) – наиболее загадочная. В ней рассказывается о событиях 1914-1916 годов: о Великой войне (Первой мировой) и убийстве Григория Распутина.

Ритмическое строение поэмы разнообразно: звучат и колыбельная песня (“Усни, мой соенок, усни!...”), и сказ, и частушка; не чужды ее словесной ткани узорные притчевые отрывки, лирические протяжные песни, а также ритмы былин и баллад. Чаще всего в поэме используется парная рифма. Фольклорная основа произведения видна и в широком использовании поэтом олицетворения, сравнительных оборотов, традиционных тропов (“Перекликались озера”, “как березка, ровен стан...”, “скагилось солнце...” и др.) Кроме постоянных, он вводит в текст неожиданные эпитеты: слюдяной мрак, янтарное яичко, бисерный органец. Нередки в поэме русские сказочные образы: Финист-Ясный сокол, Василиса Прекрасная, Роман-царевич (которых полонил “ворог котобрысый” и “приволочил красоту на рынок”); образы общемифологические: птица Сирина, Алконост, Левиафан. Индивидуальная особенность поэта – его любовь к составным словам: чудодейный, сизобрад, смолисторудый и т.п. Словарь у Клюева, как всегда, богатейший: от религиозной лексики (акафист, Утоли Моя Печали, Покров и др.) – до просторечий: бает, не замай (особенно в 3-й главе).

Поэма “Песнь о Великой Матери” написана во имя того, чтобы запечатлеть для будущего:

Как жила Русь, молилась мать,
Умея скорби расшивять
Шелками сказок, ярью слов
Под звон святых колоколов! [3:783].

Образу богомольной России-матери служил Николай Клюев при всех жизненных испытаниях и ради нее пошел на смертную муку. Кровная мать и “Мать-земля” призвали его в свои владения. Уже на последнем этапе своего крестного пути он постоянно возвращается в воспоминаниях и размышлениях к образу самого дорогого ему человека. Так, в августе 1936 года ссыльный поэт пишет из Томска В. Н. Горбачевой (жене поэта Сергея Клычкова): “Посещение прекрасной нагорной церкви XVIII века с редкими образами для ссыльного – чудовищное преступление. Не знаю, в теле или без тела, наяву или во сне, но мне в этой церкви – на фоне северной резьбы и живописи – несколько раз являлась моя покойная мать, – вся как лебединое перышко в синеватых радугах утешала меня и утирала мои слезы...” [6:179].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что мать в произведениях Николая Клюева, как и во многих мировых культурах, предстает символом жизни, святости, вечности, тепла и любви. У Н. Клюева образ матери имеет разные символические значения:

- 1) космическая Мать-Земля, супруга Неба, Мать всего и вся на Земле, не видящая разницы между добром и злом;
- 2) милостивая, всемогущая и одновременно жестокая Мать-Природа, управляющая всем, от чего зависит человек: дождями и засухами, жарой и морозами, удачей в охоте и собирательстве;
- 3) мать, как источник, исходная форма человека;
- 4) Родина-мать, Россия-родина – образ, навеянный блоковской поэзией;
- 5) Богоматерь (Мадонна, Богородица, Дева Мария) в христианской традиции – мать Иисуса Христа, одна из наиболее почитаемых фигур в православии.

Как и все творчество Николая Клюева, “Песнь о Великой Матери” — значительное и глубокое явление, и этот первоначальный анализ поднимает лишь поверхностный пласт его содержания. Н.Клюев обладал богатейшими запасами народной художественной и философской мысли, огромной культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов В. Г. Поэзия Николая Клюева. – Л., 1977. – С. 25.
2. Захариева И. Русские поэты XX века / И. Захариева. – София, 2007. – С. 70-78.
3. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – 1072 с.
4. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 157 с.
5. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – М.: Русская книга, 1997. – 256 с.
6. Клюев Н. А. в последние годы жизни: Письма и документы / Н. А. Клюев // Новый мир, 1988. – № 8. – С. 165-201.